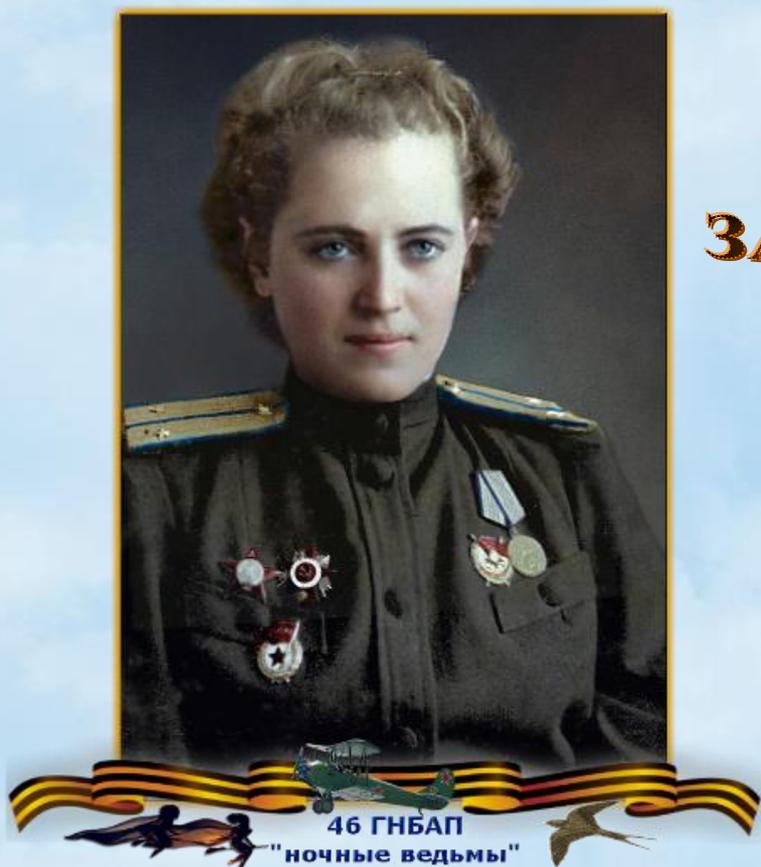

ЖИГУЛЕНКО Е. А.

**ЗАПОМНИ
НАС,
НЕБО!**

**Погибшие в небе за Родину,
Становятся небом над ней.**

ШБ МБОУ СОШ № 83

Краснодар

2020 г.

ЖИГУЛЕНКО ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА.

**Герой Советского Союза , гвардии майор,
командир звена 46 гвардейского Таманского
Краснознамённого ордена Суворова 3- й степени
ночного бомбардировочного авиационного
полка. Немцы прозвали их «Ночные Ведьмы».**

Депутаты городской Думы Краснодара
приняли решение присвоить имена Героев образовательным
учреждениям. Школе № 83 Краснодара присвоено имя
Героя Советского Союза Евгении Жигуленко.

**Пусть будет память длиться сквозь века!
Пусть внуки внуков правнуков героев
В Мемориалах Славы вновь откроют
Своих далёких предков имена...**

Запомни нас, небо!

Документальная повесть о «ночной ведьме» Е. А. Жигуленко.

Краснодар

2020 г.

ББК63.3(2)622.78

Составитель Корсун И.В.

Запомни нас, небо! : документальная повесть о Е.А. Жигуленко. /
сост. И.В. Корсун. - Краснодар, 2020.- 180 с., ил.

ББК63.3(2)622.78

Документальная повесть про фронтовые будни, жизнь после войны одной из ночных ведьм Е. Жигуленко. Основана на реальных воспоминаниях летчиц 46 ГНАБ, военных журналистов, однополчан и друзей. И на самом деле авторский коллектив достаточно большой, хоть и виртуальный. Т.к. весь материал для данного издания собран с авторских сайтов и представлен законченной версией событий .

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Мы наследники Великой Победы. 7

Глава 1. Необычный полк..... 9

Глава 2.Юность с мечтой о небе. 18

Родители

Тихорецк

Москва

Глава 3. Война..... 23

Встреча с М.Расковой

Учеба и прибытие на фронт

Таманский полк

Глава 4. Фронтовые будни Е.Жигуленко..... 34

Кубань

Кавказ

Тамань. Пересыпь

У самого синего моря

Новороссийск

Крым

Севастополь

Глава 5. Летчица – налетчица. 103

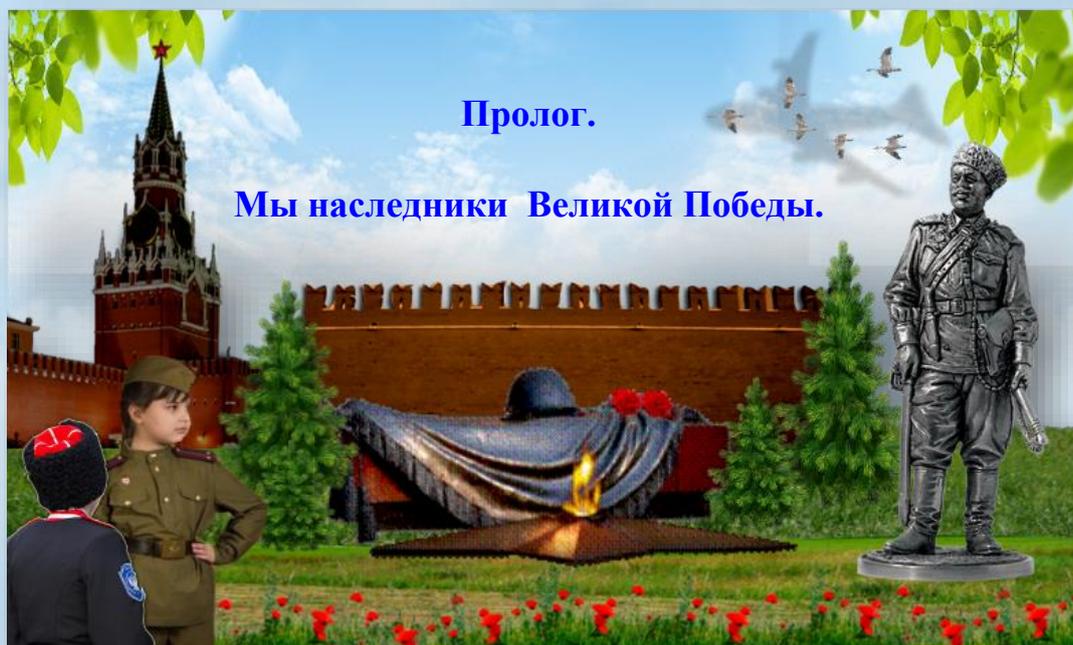
Молоко

1,2,3 елочка повись

Побег

Широкая натура	
Мина с столовой полка	
Солдатский юмор	
Глава 6. Говорите : «Не женское дело- война?».....	117
Быт	
Потери	
Награды Е.А.Жигуленко.	
Глава 7. У-2- стелс 1945 года!.....	135
Почему У-2(ПО 2)?	
Почему «Ночные ведьмы»	
Немцы, самолет У-2 и ночные ведьмы.	
Глава 8. Победа.....	147
Жизнь после войны	
Листая прошлого страницы. Фронтовой альбом	
Память	
Источники:.....	173

Пролог.

Мы наследники Великой Победы.

Вчерашних школьниц ведьмами прозвали.

И я сказать хотела между строк:

Был выплавлен, наверное, из стали

Сорок шестой гвардейский летный полк...

Начну со слов предисловия С. В. Евдокимова к его поэме «Ночные ведьмы». Отрывки из его поэмы, будут не раз встречаться в моем повествовании. Я как и он, постаралась, ... «хотя бы слегка прикоснуться к Памяти лётчиц, наносивших смертельные удары по немецким оккупантам на лёгких ночных бомбардировщиках ПО-2. Эти лётчицы были совсем юными девушками, их охватывал человеческий страх при виде своих подруг, пылающих свечкой в фанерно-тряпочных самолётах ПО-2; помня об этом, они перед каждым вылетом прощались друг с другом... Но все они беззаветно любили свою Великую Советскую Родину!»

Я начинаю свой рассказ

Не с целью позабавить вас,

Не для того, чтоб вы с ленцой

Убили б полчаса со мной.

Я расскажу о том, что было,

Когда вокруг война дымила...

Тихая, безлунная ночь. Лишь изредка взлетают осветительные ракеты. Высота сто метров, до цели три с половиной километра. Небольшая горка, набор высоты до трехсот метров. Двигатели глушатся... Невидимая, бесшумная смерть планирует на головы оккупантов...

Глава 1.

Необычный полк.

*Летчицы полка были настолько неуловимы,
что немецкие солдаты
дали им прозвище «Ночные ведьмы»,
на родине же их называли
«Ночными Ласточками».*

А память листает событий страницы,
В которых я не был, но вспомнить готов.
Я вспомнить готов про «У-2» в эти годы,
Про наших девчат, воевавших на них.
Про то, как бомбили они с "тихоходов",
Летая бесшумно в покровах ночных.

До определенного времени полк был секретным, про нас долго ничего не писали в газетах, к нам никогда не приезжали журналисты. Слава наша была известна очень немногим», - говорит Ирина Ракобольская. О подвигах летчиц 46-го полка миллионы людей узнали только после войны!

Второй шёл год войны, и до Победы
Был путь далёк. Фашистам на беду
В высоком небе полк «Ночные ведьмы»
Свой начал путь, приблизив тем мечту.
Со всей страны советской в нём собрали
Девчонок –лётчиц, будущих бойцов.
Они как птицы день и ночь взлетали
На «этажерках», ветер дул в лицо...
Они свой долг исполнили отважно,

В Победу лепту важную внесли.

Летали на У-2, что было страшно.

И с армией от смерти нас спасли.

46-й гвардейский Таманский Краснознамённый ордена Суворова 3-й степени ночной бомбардировочный авиационный полк (46-й гвардейский НБАП, «ночные ведьмы») — женский авиационный полк в составе ВВС СССР во время Великой Отечественной войны. (1941-1945 гг.)

Идут на взлёт по полосе «ночные ведьмы»,

Чтоб на земле устроить немцам русский ад.

Бершанская говорила: « Ничего, девушки. Не так страшен черт, как его малюют. Будем бить фашистов!" Из книги М.П.Чечневой "Боевые подружки мои". Тогда они еще не знали, что за время войны превратятся в ведьм, и ни немец, ни черт (уж и подавно) им не будет страшен!

Так кто они на самом деле,

Девчонки летного полка?

Как будто ласточки, влетели

Они в войну. Ох нелегка

Была у девушек задача –

Без бомб отсека, и прицела

С одним ГТ лишь на удачу
Команда девичья летела
Бомбить врага в ночи без боя:
Пилот и штурман – только двое
В кабине. Самолет По-2-
Учебный прежде, но едва
В ночное небо он взлетал,
В бомбардировщик превращался
И силу, скорость обретал,
Как истребитель к цели мчался!
Святая ненависть к врагу
Тогда девчатам помогала
В любое время: в дождь, в пургу!
Им гимн История слагала,
Пока они в огне войны
Свою Россию защищали:

Ни одна из «ночных ведьм» не была до службы в полку военной лётчицей, это правда. Они были обычными девчонками и женщинами. Но всё, же набирали в полк не любых желающих. Предпочтение отдавалось девушкам с лётной подготовкой, окончивших авиационные школы и академии, занимавшихся в аэроклубах. Охотно брали и парашютисток.

Какими они были ? Мечтательницами и фантазерками на тоненьких каблучках. С легкомысленными локонами и строгими русскими косами. Серьезные и хохотушки. Нежные и суровые. Девочки, только что оторвавшиеся от маминого тепла, и уже опаленные войной летчицы. Жены, проводившие на фронт любимых. Матери, оставившие детей бабушкам.

За всю войну ни тюбика помады,
Подведены чуть брови угольком...
Девчонки в гимнастерках с нами рядом,
Смешливые, доверчивые взгляды –
Нам тяжело, им вдвое нелегко.

Такие разные в личном и, такие одинаковые в главном — желании воевать. Умение приходило с опытом, в боях рождалась слава. Маскировка и внезапность приправленные мужеством и отвагой, вот рецепт успеха советских летчиц.

Долгие годы за рубежом считалось, что единственный в мире женский авиаполк – это миф, плод советской пропаганды. Иностранцы никак не могли взять в толк, зачем девушке идти на войну. Но факт подтверждается документами, свидетелями и самими немцами. В отличие от мужчин девушки не были кадровыми военными и не испытывали «святого трепета» перед различного рода положениями устава и инструкций.

Девушки воевали по своим, женским понятиям, исходя из своей, женской логики:

- Разработали свой «кодекс чести».
- Освоили бригадный метод подготовки самолетов.
- Техники и вооруженцы не разбирали, чей самолет заходит на посадку, набрасывались все, как пчелки, из которых каждая четко знала, что нужно делать.
- Вооруженцы не стояли в очереди на складе боеприпасов, заранее, вопреки запретам, подтаскивали бомбы к месту посадки самолета.
- Техники готовили машину к полету, одновременно подвешивались бомбы, в нарушение всех инструкций таскали ведрами и заливали бензин, не дожидаясь, пока подъедет топливозаправщик. Самолет взлетал уже через 5–8 минут.
- В период распутицы они не ждали, когда подвезут бомбы и бензин, подсохнет взлетная полоса. Ломали сараи и заборы, из досок

- строили узкие полосы-дорожки, с которых ухитрялись взлетать и садиться, каждый раз с риском для жизни.
- Строжайше соблюдались меры противопожарной безопасности. Открытый огонь отсутствовал. Девушки попросту не курили и не пили.
- Свои фронтные 100 грамм они сливали в бутылочки и использовали как «магарыч» для решения бытовых вопросов.

Вначале, по своей наивности, они обобщили свой «положительный опыт» и отправили вышестоящему командованию. Последовал выговор командиру полка и старшему инженеру за нарушение инструкций. Но девушки продолжали воевать по-своему, а командование не стало закручивать гайки: результативность ночных бомбежек была достойна самой высокой оценки. А главное было – победить в этой войне любой ценой.

Раскинув просторно крылья -

Куда там каким-то валькириям -

Взмывают в небо "ночные ведьмы".

Комиссар дивизии называл их «небесными амазонками», они воевали наравне, а иногда и лучше мужчин. Руководила формированием Марина Раскова. Командиром полка была назначена Евдокия Бершанская, летчик с десятилетним стажем. Под её командованием полк сражался до окончания войны. Порой его шуточно называли: «Дунькин полк», с намёком на полностью женский состав и оправдываясь именем командира полка.

Что ж, товарищи девчата!

Воевать, так воевать!

Нам от друга и от брата

Не годится отставать!

Пусть и дети и внучата

Будут песни распевать,

Как ходили мы, девчата,

Против немцев воевать!

В состав полка входила боевая единица по имени Евгения Жигуленко. Вместе со своим полком Жигуленко побывала на разных частях фронта. В боях дошла практически до Берлина, где была ранена, но продолжила боевые вылеты.

История жизни Героя Советского Союза Жигуленко Евгении Андреевны была выбрана нами не случайно, так как жизненный путь этой удивительной женщины – летчицы, нашей землячки, требует

особого внимания и изучения. Ведь Её имя присвоено нашей школе.(
МБОУ СОШ № 83.г. Краснодар.)

Глава 2.

Юность с мечтой о небе.

Мужество состоит не только в том, чтобы с первой попытки достичь цели. Волевой человек мужествен и в неудачах. Он не раскисает, а становится злее, упрямее. Он учится на ошибках. И потому, способен выполнить любое задание.

Чечнева Марина Павловна.

Родители.

О довоенном периоде жизни Евгении Андреевны, к сожалению, мало что известно. Родилась легендарная летчица 1 декабря 1920 года в Краснодаре в семье простых рабочих, однако, вскоре, семья перебирается в город Тихорецк, где Евгения Андреевна окончила среднюю железнодорожную среднюю школу № 34 имени В. И. Ленина.

Отец Евгении, Азаров Михаил Афанасьевич родился в городе Жиздра ныне Калужской области. Воспитывался в детском приюте. До революции служил по найму у хозяина в Краснодаре. После революции — рабочий обувной фабрики в Армавире. В 1920 году, чтобы избежать мобилизации в белогвардейскую армию, купил паспорт на имя Жигуленко Андрея Ильича, негодного к службе. Впоследствии восстановил свою прежнюю фамилию. Мать же, Азарова Вера Фёдоровна родилась в Ставрополе и воспитывалась в детском приюте, поэтому данные о её происхождении (как и о девичьей фамилии) обрываются. Настоящая фамилия матери неизвестна. Такова была семейная история, и другой Евгения не рассказывала. ...

Тихорецк.

В Тихорецке, где жила с детства Женя Жигуленко, соорудили на стадионе парашютную вышку. Каждый день по дороге в школу, проходя мимо стадиона, Женя с завистью смотрела на юношей и девушек, прыгавших с парашютом. Когда она сказала матери, что тоже хочет прыгать, та замахала руками.

— И слышать не хочу, и думать не смей — разобьешься!..

Женя, в ту пору семиклассница, худенькая девушка с пышной золотистой косой, ничего не ответила, лишь передернув плечами. Вскоре, накопил деньги, она пришла на стадион, купила билеты и несколько раз подряд прыгнула с вышки. Женя уже в 7 кл. почувствовала себя будущей летчицей. Правда, это боевое крещение было очень скромное: полет с заранее раскрытым парашютом очень мало похож на полет в самолете, а все-таки есть что-то общее, — ведь все летчики обязательно должны быть отличными парашютистами. Первые прыжки, незабываемое ощущение полета, никогда этого не забыть! Школьница Жигуленко твердо решила: буду летчицей! Что для этого надо? Скорее окончить школу — вот что надо!

Женя окончила школу отлично. Как быть дальше? В Военно-воздушную академию женщин не принимают. Чтобы быстрее осуществить свою мечту, она решила перейти из седьмого класса сразу в девятый. Ничего не говоря дома, подругам, раскрыв тайну лишь учительнице, руководившей классом, Женя все лето занималась с утра до вечера. Днем, прячась от жары, она забиралась с книгами, со свечкой в погреб, а вечером читала, решала задачи, пока глаза не слипались от усталости. Осенью Женя с хорошими оценками сдала все экзамены за восьмой класс. Став девятиклассницей, она заявила директору школы, что хочет поступить в аэроклуб. Женя пишет письмо в Наркомат обороны, пишет о своей любви к авиации, просит помочь. Вскоре был получен ответ. Волнуясь, Женя вскрыла конверт: «Надо сначала получить

среднее авиационно-техническое образование, и тогда вопрос о принятии вас в академию будет рассмотрен». Радость, какая радость! Ей открыт путь в авиацию. Мать была против этого, ей не хотелось отпускать Женю. Женя думала по-иному. Кое-как скототив деньги на дорогу, она, ничего не сказав родным, даже не простившись с ними, уехала в Москву. Школу она окончила отлично, и в институт ее приняли без экзаменов. Начались занятия, а деньги, привезенные из дому, быстро растаяли. Женя, не объясняя в чем дело, попросила помощи в профкоме. Ей помогли, а потом стала получать стипендию. Мать успокоилась, поверив в дочь.

Москва.

Получив аттестат, девушка отправляется в Москву воплощать мечту детства и поступает в Дирижаблестроительный институт (сейчас заведение носит название Московский авиационно-технологический институт). Но на этом Евгения Андреевна не заканчивает свое обучение. Обучение в институте идет так же параллельно с ее увлечением парашютным и самолетным спортом в центральном аэроклубе имени В.П.Чкалова в Тушино.

Женя Жигуленко выросла, как сейчас бы сказали, девушкой модельного роста, длинноногой, с хорошей осанкой и лицом потомственной казачки.

До сих пор на Кубани многие не могут поверить, что Жигуленко была вряд ли местных кровей. О характере Евгении Андреевны все ее окружение отзывалось единогласно: человек открытой души, искренний и добрый. Все товарищи отмечали ее добродушный нрав и незаурядные умственные способности. Однако нрав Е.А.

Жигуленко был отнюдь не кроток. Смелость, упорство и отвага были постоянными спутниками в течение всей жизни. В первой половине дня - аудитории и лаборатории, лекции, семинары, во второй половине - аэродром, вечером - книги, расчеты, мысли о том, какие ошибки были допущены сегодня при полете... И время от времени - уже с самолета. А попутно ходьба на лыжах, езда на мотоцикле, участие в художественной самодеятельности.... Выпускницу лётной школы отправили доучиваться: улучшить лётную подготовку и получить подготовку штурмана.

На этом событии заканчивается довоенный период в жизни Жигуленко Е.А. Приходит 1941 год, началась Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.

Но грянул сорок первый,
всё переменив,

И мы застыли, словно
обелиски,

Недоучившись, не дожив,
не долобив...

Глава 3. Война.

Подковки сапог стучат по булыжнику.

Мы идем на войну...

Прощай, прощай, Москва моя родная,

На бой с врагами уезжаю я...

Н. Меклин.

Окончен второй курс, впереди каникулы, отдых. В воскресенье 22 июня 1941 года Женя с подругой, Катей Тимченко, собирались за город... Началась война.

В воскресенье 22 июня 1941 года к Жене вбежала возбужденная Катя и сдавленным голосом крикнула: «Женя, война началась!» В первое мгновение Женя даже не поняла, что сказала подруга, так противоречила война всему тому, чем она жила, что ее окружало: и солнечным зайчикам на стенах комнаты, и пестрому шелковому платью, висевшему на спинке стула, и мыслям о каникулах, о море...

На момент начала войны Евгении Андреевне было всего 20 лет, но, несмотря на свой юный возраст, девушка была одной из лучших молодых летчиц, занималась парашютным спортом.

Институт в полном составе отправился на оборонные работы. Вернувшись в Москву, Женя и Катя решили: уйдем на фронт. В октябре 1941 года Жигуленко Е.А. вступает в ряды Красной Армии . Победа придёт, она ждёт нас ещё впереди. А пока...

– Прощались с детьми, но с будущим своим не прощались...

– Прощались с любимыми, но не прощались с любовью...

- Мы уходили на смерть, но не прощались с жизнью...

– Мы уходили на фронт, мы обещали вернуться, нам так хотелось жить,!..

В военкомате им ответили коротко: «Продолжайте учебу.». Почему? Мы же летчицы, учились в аэроклубе, — настаивали подруги. Военком только развел руками. Девушки отправились в Управление Военно-Воздушных Сил. Их принял пожилой полковник. Он сказал сочувственно: «Могу помочь только советом: Марина Раскова формирует женскую авиационную часть. Постарайтесь увидеть ее. Она часто бывает у нас.» Девушки встретились с Расковой и перебивая друг друга, заговорили о своей просьбе.

Марина Михайловна, подробно расспросив девушек, сказала:

— Приходите завтра на сборный пункт с документами, с вещами.

Подруги не верили своим ушам:

— Как, значит, вы нас принимаете? Раскова улыбнулась:

— Значит, принимаю. Раскова улыбнулась.

Женя приходит в здание академии имени Жукова, в котором находился сборный пункт девушек, из числа которых начинала формироваться женская авиационная часть. Руководила формированием Марина Раскова. Командиром полка была назначена Евдокия Бершанская, за плечами которой было уже десять лет стажа. Под её командованием полк сражался до окончания войны. Не менее интересна история создания полка. Но это уже другая история....

В это же время Евгения Андреевна поступает на курсы штурманов при Военной авиационной школе пилотов, а позже оканчивает курсы усовершенствования летчиков недалеко от Саратова.

Так началась служба Жени в боевой авиационной части, ставшей позже прославленным гвардейским бомбардировочным Таманским краснознаменным ордена Суворова авиационным полком...

Первоначально Жигуленко Е.А. исполняла роль штурмана, совершая полеты с такими знаменитыми летчицами как: Полина Макагон, Ксения Карпунина.

Непосредственное пребывание Евгении Андреевны на фронтах войны начинается с мая 1942 года. А вскоре, в июне того же года для летчицы наступает боевое крещение. Произошло это во время ожесточенных боев на Миус – фронте, во время которых она совершает свой первый самостоятельный вылет и открыла свой счет фашистам.

Перед полетом, командиру эскадрильи Ксении Карпуниной на стол легла бумага: «На выполнение боевого задания я желаю идти коммунисткой. Священное звание члена партии клянусь оправдать с честью. Буду до конца предана делу Коммунистической партии, буду защищать родину, не щадя своих сил и самой жизни». Эти слова говорят не только о ее приверженности своему Отечеству, но и самых высоких и благородных качествах характера.

По мнению товарищей Евгении Андреевны, несмотря на тяжелые условия фронтовой жизни, ее отношение к людям и миру совсем не изменилось. Все также она любила природу и цветы, шутки и с трепетом относилась к своим фронтовым подругам. С каждым днем Жигуленко Е.А. набиралась опыта и вскоре уже стала самостоятельно управлять самолетом.

46-й Гвардейский бомбардировочный Таманский полк прошел боевой путь от Сальских степей и Дона до фашистской Германии. До августа 1942 года полк сражался на Дону и в пригородах Ставрополя.

За период войны Евгения Андреевна в составе полка принимает участия в следующих сражениях:

➤ С августа по декабрь 1942 года оборона Владикавказа. Битва за Кавказ и Кубань

➤ С марта по сентябрь 1943 года прорыв обороны «Голубой линии» на Таманском полуострове и освобождении Новороссийска.

➤ С ноября 1943 по июнь 1944 года поддержка

высадки десанта на Керченском полуострове, освобождение Крымского полуострова и Севастополя.

➤ В июне-июле 1944 года бои в Белоруссии.

➤ С августа 1944 года бои в небе Польши.

➤ В январе 1945 года сражения в Восточной Пруссии.

➤ В марте 1945 года в освобождение Гдыни и Гданьска.

➤ В апреле 1945 года и до окончания войны полк помогал в прорыве обороны противника на Одере. Германия, Нойбрандербург.

На фронтах ВОВ с мая 1942 года -командир звена. Герой Советского Союза Е.А.Жигуленко в своих воспоминаниях писала: " Я помню

нашу фронтовую жизнь днем за днем. Летать нам приходилось по 10 раз за ночь. Бывало, после десятого полета не оставалось сил выбраться из кабины. Помню, как промокишие под дождем комбинезоны и унты на высоте смерзались и превращались в негнувшийся комок. Помню, как на Кубани из-за того, что не могли подойти машины подвоза, летчицам после полетов приходилось самим доставлять на аэродром бочки с горючим и боеприпасы. А ели мы целый месяц одну кукурузу. Немцы называли нас "ночными ведьмами", а ведьмам было всего от 15 до 27 лет".

«Никто из нас не был уверен, что останется жив, но все горячо верили в победу» - говорила одна из ночных ведьм Евдокия Пасько).

Фашистов бить, на фронт мы полетели.

Воздушные небесные создания

Шутливо называли «Дунькин полк».

Наш командир-названью оправданье

Бершанская , в полетах знала толк.

По-2 с учебной птички, стал военной.

Приказ о формировании женских авиационных полков ВВС Красной армии Иосиф Виссарионович Сталин подписал 8 октября 1941 года.

Этот Приказ был с успехом реализован, поскольку он родился не на пустом месте, не от простого финансового вливания, а от кропотливой работы Советской Страны с молодым подрастающим

поколением на бесплатных аэродромах, в секциях, в школах в духе воспитания любви к своей Советской Родине!

Итак, восьмого октября в тот год,
Когда фашистов буря все сметала,
Тогда подписан был приказ на ввод
Полка ночного. Женского состава.
Зачем война? Нам было не понять,
Но все-таки одно мы знали точно,
Что выпала нам доля воевать
И этому учиться нужно срочно.
И мы смогли. Мы начали летать,
Бомбить их ночью и вселять в них ужас.
И все на фронт! Вперед! И разорять
Их гнезда мерзкие, пока не стало хуже.

Формирование, обучение и слаживание полка проводилось в городе Энгельс. Мужчин не было, все его воины – от летчиков и штурманов до техников – были женщины. Высшее военное начальство, состоящее из мужчин, настороженно отнеслось к новому военному подразделению и даже ожидало «женских капризов».

Комиссар дивизии называл их «небесными амазонками», они воевали наравне, а иногда и лучше мужчин.

Придумаем! Опробуем! Внедрим!

Осилим! Вытянем! И сбросим!

Проверим! Испытаем! Повторим!...

Восстанем! Улыбнемся! Не попросим!

23 мая 1942 года полк вылетел на фронт, куда и прибыл 27 мая.
Тогда его численность составляла 115 человек, возраст от 17 до 22 лет.

От винта! Давай, рычи! Будем бить врага!

Он ведь ждёт уже в ночи нас наверняка...

Первый боевой вылет состоялся 12 июня 1942 года. Летчицы 46-го гвардейского ночного легкомобомбардировочного авиаполка. 23672 раза поднимали в небо экипажи полка, они сбросили на врага почти три миллиона килограммов бомб!

Все в орденах, блестят погоны

И форма даже им к лицу,

На ведьм ночных так не похожи,

А что девчонки, те смеялись,

Мол, настоящих ведь никто не знает,

Но вот закончится война,

И ночью женихи тогда узнают,

Какие ведьмы настоящие бывают

Авиаполк воевал с такой интенсивностью , что перерывы между вылетами составляли 5-8 минут, порой за ночь экипаж совершал по 6-8 вылетов летом и 10-12 зимой.

9 октября 1943 года за отличия в боях за освобождение Таманского полуострова полку присвоено почётное наименование Таманского.

24 апреля 1944 года за участие в освобождении Феодосии полк был награждён орденом Красного Знамени. За освобождение Белоруссии полк был награждён орденом Суворова III степени. Более 250 девушек полка были награждены орденами и медалями.

Одной из лётчиц Натальей Меклин был написан Гимн полка.

На фронте встать в ряды передовые

Была для нас задача не легка.

Боритесь, девушки, подруги боевые

За славу женского гвардейского полка!

Вперед лети . С огнем в груди.

Пусть знамя гвардии алеет впереди.

Врага найди. В цель попади,

Фашистам от расплаты не уйти!

Вместе со своим полком Жигуленко побывала на разных частях фронта. Воевала в боях за Кавказ, принимала участие в освобождении Кубани. Вместе с полком участвовала в Керченско-Эльтигенской, Крымской, Могилёвской, Белостокской, Осовецкой,

Млавско-Эльбингской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях.

В боях дошла практически до Берлина, где была ранена, но продолжила боевые вылеты. Во время войны Евгения Жигуленко дослужилась до звания гвардии лейтенанта и командира звена. Окончила войну в звании майора.

Очень показательны боевые заслуги Евгении Жигуленко: среди военных летчиков в СССР она имеет третье место по количеству боевых вылетов – 968 боевых

вылета! Опережают её две других «ночных ведьмы» — Ирина Себрова, совершившая 1004 вылета, и Наталья Меклин с ее 980 боевыми вылетами. За время войны Евгения Андреевна Жигуленко совершила в общей сложности 968

полетов (что составило приблизительно 200 тонн бомб)). Для сравнения скажу, что самые результативные советские летчики-истребители времен войны Иван Кожедуб и Александр Покрышкин совершили соответственно 330 и 650 боевых вылетов.

Боевое крещение она приняла в июньскую ночь 1942 года, во время жестоких боев на реке Миус. Перед первым вылетом она передала комиссару эскадрильи Ксении Карпуниной свое заявление: *«На выполнение боевого задания я желаю идти коммунисткой.*

Священное звание члена партии клянусь оправдать с честью. Буду до конца предана делу Коммунистической партии, буду защищать Родину, не щадя своих сил и самой жизни». В эту ночь Жигуленко открыла личный счет мести врагу...

Начальником штаба полка была Ракобольская И.В. "Полк прибыл на фронт в трудное время. В южной части Донбасса, на рубеже реки Миус, шли ожесточенные бои. Фашистские дивизии рвались к донским переправам... Вначале девушки совершали только ознакомительные полеты... привыкали к фронтовой обстановке. И вот из штаба дивизии пришел боевой приказ: "В ночь на 8 июня полк должен бомбить скопление войск противника в пункте "Шахта №1".

... Поравнявшись с полковником Поповым, Бершанская доложила о выполнении задания и, не спеша, видимо желая, чтобы каждое слово дошло до нас, стала рассказывать, как протекал полет. Потом Бершанская и Бурзаева попали в окружение подруг.

- Ну как? Как там? - спрашивали мы.

- Ничего, девушки. Не так страшен черт, как его малюют. Будем бить фашистов! (Из книги М. П. Чечневой "Боевые подруги мои")

Глава 4.

Фронтные будни Евгении Жигуленко.

*Нехитрое дело «геройски» пойти на зенитный огонь,
чтобы тебя разнесло на куски,
когда ты еще не дошла до цели.*

*Истинное героичество состоит в том,
чтобы умело провести машину через огонь,
поразить противника и вернуться,
пусть и пощипанной , но к своим.*

Чечнева М. П.

Ночное небо меняло цвет,
Когда зенитки палили вслед.
Но цель на карту нанесена,
Сегодня в небе, Ночные ведьмы!
Война, война, война...

Жигуленко любила такой полет. В нем особенно полно ощущается скорость и власть над машиной. Перед глазами у меня все мелькало. Нигде скорость полета не ощущается так, как на бреющем.

Это от того, что человек субъективно судит о скорости своего движения не столько по линейному, сколько по угловому перемещению окружающих предметов. Даже при весьма скромной скорости По-2 набегающая под самолет земля сливается в сплошную пелену. Управлять машиной при этом надо точно: случайное снижение, хотя бы на несколько метров, грозит катастрофой.

На бреющем воочию убеждаешься, какая неровная поверхность нашей планеты. Лес сменяется озером, озеро — болотом, болото — снова лесом. То возникает пригорок, то овраг, то отдельно растущее дерево. Самолет летит по сложной волнистой траектории, педантично повторяющей капризы рельефа местности. Запросто можно ткнуться в какое-нибудь наземное препятствие. Мы избирали такую, почти нулевую, высоту полета по утрам, когда существовала опасность встречи с фашистским истребителем.

От непрерывного мелькания предметов, сливающихся в единый пестрый покров, от монотонного гудения мотора меня клонило в сон. Но с Женей не уснешь.

— Эй-ей! — лихо покрикивала она, как ямщик, погоняя лошадей. — Родимая-я-я!.. Шутит летчица, и усталости будто уже нет, и сон улетучивается. Мы летим навстречу солнцу, а над нами скользят легкими парусами перистые облака."

Какая ночь красивая была!

Вдоль Пашковской акация цвела,

И запах опьяняющий – до звезд!

А самолет У-2 руке послушный

Свой говорок станичный добродушный

Над сонными левадами понес.

Летом сорок третьего года Кубань являлась ареной больших воздушных сражений. После войны стало известно, что немецким командованием был отдан приказ любой ценой удержать низовья Кубани и Таманский полуостров как исходный плацдарм для

будущих наступательных действий. С этой целью противник создал здесь весьма мощную авиационную группировку. Активные действия авиации с обеих сторон с самого начала приняли форму напряженной борьбы за

господство в воздухе, в которой ежедневно участвовало несколько сотен самолетов. На узком участке фронта, не превышавшем 40–50 километров, авиация противника делала по 1500–2000 самолетовылетов в день

Не считаясь с потерями, гитлеровцы вводили в бой все новые силы. Но советские летчики крепко удерживали инициативу в своих руках и стали в конце концов полными хозяевами неба.

Воздушные сражения на Кубани продолжались непрерывно около двух месяцев. И хотя немецкие асы входили в состав отборных истребительных эскадр, большинство этих летчиков пережили катастрофу под Сталинградом. Уже сам этот факт не мог не влиять на их стойкость в бою.

Советские же летчики после победы под Сталинградом выросли, возмужали, накопили солидный боевой опыт. Их наступательный порыв был неизмеримо выше, чем у немцев. И не случайно воздушные бои на Кубани явились как бы поворотным пунктом, изменившим воздушную обстановку в ходе всей Великой Отечественной войны. Начиная с этих сражений и вплоть до победы господство в воздухе прочно удерживалось советской авиацией.

По своей напряженности, количеству участвовавших в нем самолетов и числу воздушных боев оно превосходило все предшествовавшие сражения. Да и в последующем, до самого конца войны, мы не знаем такого большого сосредоточения авиации на ограниченном пространстве.

Над Кубанью состоялось более половины всех воздушных боев, происшедших в апреле-мае 1943 года на всем советско-германском фронте.

Станица Ивановская являлась «основной базой» нашего полка на

Кубани. Здесь мы стояли пять месяцев — с апреля до середины сентября 1943 года. Отсюда мы летали бомбить «Голубую линию» противника.

Несмотря на низкую облачность, неустойчивую погоду, отвратительную видимость, наши летчицы неизменно отыскивали врага. Тимашевская, Поповическая, Красноармейская, Ново-Николаевская... Одна за другой мелькали под крылом самолета станицы, уводившие нас все дальше на запад.

В середине февраля полк перебазировался в станицу Ново-Джерелиевскую. На Кубань только-только пришла весна со страшной распутицей, с непролазной грязью. Грязь преследовала нас на улицах, на аэродроме, в садах, тащилась за нами в дома и в кабины самолетов. Больно было смотреть на заляпанные грязью У-2. Грязь мешала даже работать. Шасси самолета при рулежке настолько зарывались в грунт, что машины приходилось вытаскивать на собственных плечах.

Погода стояла отвратительная. Днем часто шел снег, ночами землю прихватывали заморозки. Летчики и штурманы не знали, как обуваться. Ходить по грязи в унтах было тяжело, сапоги же моментально промокали и смерзались в воздухе, сковывая и леденя ноги. Распутица затруднила подвоз горючего и продовольствия. Питались мы в основном кукурузой. Как же она нам надоела! Две недели одна кукуруза — в сухом, вареном и жареном виде. Ни соли, ни хлеба, ни мяса, ни масла. Кукуруза на первое, на второе и на третье. Кукуруза на завтрак, на обед, на ужин. Даже спали на кукурузе.

Действовали мы в этот период преимущественно отдельными экипажами, нанося удары по живой силе и технике противника в населенных пунктах и на дорогах. Иногда летали на разведку.

В марте мы покинули грязную, надоевшую всем Ново-Джерелиевскую и перебрались в станицу Пашковскую, под Краснодаром. Здесь закончилась подготовка прибывшего еще в декабре прошлого года пополнения летчиц, штурманов, техников и вооруженцев. Они стали летать на боевые задания, и полк с новыми силами приступил к боевым действиям над Голубой линией.

В Пашковской наш полк разместился на большом аэродроме. Здесь царил разруха. По краям поля сохранились лишь глубокие капониры, где мы прятали свои самолеты от воздушных разведчиков противника.

В начале июня мы перебазировались из Пашковской в станицу Ивановскую. Действовали с «подскока» у станицы Славянской. Здесь на большом аэродроме вместе с нами базировались истребители. Днем работали они, ночью — мы. В этот период наш полк, помимо бомбежек, вел разведку войск противника в районе Гостогоаевской, Молдавской, Северных Садов, колхозов «Светлый путь», имени Ленина, «Красный Октябрь» и станиц Курчанская и Варениковская.

В Ивановской полку вручили Гвардейское знамя. На церемонии вручения присутствовал командующий 4-й воздушной армией генерал К. А. Вершинин.

«Гвардейское Знамя! Внешне все просто — кусок алого бархата, позолота бахромы и букв. Но для нас оно — символ высшей воинской доблести. В нем наша жизнь, слава, честь, гордость. Прежде чем на этом полотнище выткали золотом наименование нашего полка, мы прошли через множество напряженных боевых ночей, через ожесточенные обстрелы, через кровь и смерть.»

Мы были гвардейцами уже с 8 февраля 1943 года, но вручение знамени состоялось только 9 июня. Вообще-то церемония обычная, но чувства...

«И гвардейское Знамя, что гордо реет над нашими головами, оно тоже свидетельство нашего пренебрежения к смерти и беспредельной любви к своей земле, к своему народу.

Когда сняли чехол и красный шелк горячо вспыхнул на солнце, у меня, да и у многих девчат, заблестели слезы... Бершанская целовала знамя. Мне тоже очень хотелось поцеловать его и зарыться лицом в теплые, мягкие складки. Это было наше, мое знамя...»

И сквозь годы в мшистой роздыми

Будет помнить Кубань-река

Эти грозные красноезвездные

Крылья девичьего полка.

Кавказ

«Вокруг хребта Кавказского,
Высокого, высокого,
Вырастают асами
Молодые соколы.

Из Ольгинской мы вскоре перелетели на Ставрополье, в Петровское. Враг был пока сильнее нас, и мы отходили. Отходили, веря, что придет время, когда советские войска будут гнать фашистов на запад, до самого Берлина.

В Ставрополье уже чувствовалась близость Кавказа и даже просматривались сквозь дымку тумана контуры могучих снежных вершин. Суровый и неприступный Кавказский хребет казался нам той самой преградой, у которой остановят и разобьют врага. А пока что фашисты ожесточенно бомбили Пятигорск, Минеральные Воды. Там, где раньше спокойно прохаживались отдыхающие, теперь

свистели осколки, содрогались от взрывов стены лечебниц и санаториев. Кавказ — благодатная земля для тех, кто живет на ней, но летать над его горными вершинами — задача не из легких. Чего стоит только изменчивость погоды! Бывало, вылетаешь — ночь ясная, а на обратном же пути попадаешь в такой туман, что летишь как в молоке. Приходилось лететь на запасной аэродром.

Над нашим Кавказом нависла угроза,
Для Родины трудные выпали дни,
Мы снова летали бомбить по дорогам,
Бить танки, тушить у машин их огни.

В иных же ситуациях «рус фанер» был и вовсе незаменим! «На

Кавказе, когда немецкие танки ночью вползали в ущелья, штурмовики их достать не могли. А наш самолет, снабженный трофейными зажигательными бомбами, сначала атаковал головной танк колонны, потом замыкающий, потом все остальные».

Уже более полугода полк воевал на Северном Кавказе. Восемь экипажей под командованием заместителя командира полка Серафимы Амосовой вылетели в распоряжение ВВС Черноморского

флота. С группой техников и вооруженцев выехала и гвардии майор Рачкевич.

На станции Эльхотово, куда перебазировался наш полк, в первый день скопилось много самолетов различных типов. Отсюда мы летали бомбить фашистские войска ночью, а днем отправлялись на разведку линии фронта.

В горных ущельях гремело эхо автоматных очередей. На скалы падали бомбы. Тревожно полыхали в предгорьях кровавые закаты.

Некогда мирные города и местечки — Моздок, Ищерская, Прохладная, Дигора, Ардон, Эльхотово — значились в сводках как линия обороны.

Начиная летнее наступление 1942 года на юге, гитлеровцы рассчитывали коротким ударом захватить Северный Кавказ, овладеть югом страны и, прибрав к рукам нефть, оставить нашу армию без горючего. Не считаясь с потерями, бросали они свои ударные дивизии на этот участок фронта. На юге завязался тугой узел событий...

На сей раз мы расположились в очень живописной станице Ассиновской. Самолеты рассредоточили между фруктовыми деревьями. Для взлета служила небольшая площадка, окруженная с трех сторон глубокими канавами. Чтобы можно было выкатить машины на взлетную площадку, через канавы пришлось перекинуть мостки.

После степей Ставрополя нас, признаться, пугали высокие горы. Все здесь казалось необычным. Мы не представляли, как будем летать в горах, где нет привычных ориентиров, где и площадки-то под аэродром были похожи на «пяточки», окруженные препятствиями.

Не удивительно, что, готовясь к боям в новых условиях, мы занимались с особым упорством. В Ассиновской полк базировался до января 1943 года. Здесь наши девушки подружились с местными жителями, в шутку говорили о себе, что пустили глубокие корни.

Хотя
разместились
все в
общегитии, у
каждой из нас
была «своя»
хозяйка. К ней
мы ходили
погладить,
постирать, а
иногда просто

так, поговорить, помочь по дому. Хозяйки, в большинстве своем пожилые замужние женщины, относились к нам очень тепло, с нетерпением ждали из полетов, волновались и переживали за нас, как за родных. Они не переставали удивляться, как это мы, такие молоденькие, совсем девчонки, воюем наравне с мужчинами.

Занимаясь однажды каким-то делом, я почувствовала, сто хозяйка изучающе смотрит на меня.

— И не страшно тебе летать к фашистам? — неожиданно спросила женщина.

— Конечно, страшно, — честно сказала я. — Только ведь ко всему привыкаешь.

— Я вчера мужу письмо отправила. Там о вас говорю. Пусть прочитает, может, ему и полегчает, когда узнает, какие у нас отважные девчата.

В сентябре 1942 года в ущельях Кавказа не умолкал гул орудий: бросая в бой все новые резервы, гитлеровцы рвались к Грозному и Баку.

Женский
авиационный
полк
базировался в
то время в
районе
Сунженского

хребта. Оттуда мы регулярно наносили удары по живой силе и технике врага в районах Моздока, Кизляра, Прохладного.

Каждую ночь наши У-2 улетали за линию фронта бомбить технику и живую силу противника.

В ночь на 14 августа 1942 года экипаж Макагон—Жигуленко вылетел на очередное задание. Тьма стояла кромешная, лишь в кабине летчицы чуть светились стрелки приборов.

Самолет шел ровно, лишь изредка проваливаясь вниз. Потом девушки ненадолго попали в восходящие и нисходящие потоки воздуха. И наконец пересекли Сунженский хребет. Скоро должен

был появиться населенный пункт Павлодольская

на Тереке. Проверив расчеты, штурман убедилась, что они идут точно по курсу.

И вдруг самолет сильно тряхнуло. Одновременно где-то недалеко ослепительно сверкнула змейка молнии.

Громовой раскат заглушил гул мотора. Началась гроза. Гроза в воздухе была для По-2 страшнее любого, самого сильного вражеского обстрела. Однажды в нашей дивизии от грозы сгорело в воздухе сразу несколько машин.

Новая вспышка молнии осветила клубящийся хаос грозовых туч и потоки воды, низвергавшиеся на землю. Тучи становились все плотнее. Сквозь них невозможно было «нащупать» цель. Пришлось снизить заданную высоту бомбометания. Но под кромкой облаков их стало трепать еще сильнее. Летчица с великим трудом удерживала самолет.

Посоветовавшись, решили обойти грозу. Штурман изменила курс, засекла время. Летчица строго выполнила все команды. Вокруг

была все та же темень. Только молнии теперь сверкали не слева, а справа. Машину по-прежнему бросало из стороны в сторону. Полина напрягала последние силы.

Наконец их По-2 вынырнул рядом с заданным пунктом. Альтиметр показывал 800 метров. Жигуленко с помощью САБ осветила цель, внимательно осмотрелась и сбросила бомбы.

На земле вспыхнуло три пожара. Убедившись в этом, летчица развернула самолет на обратный курс.

Немцы, видимо, не ждали налета в такую погоду. Словно спохватившись, рванулись вверх прожекторные лучи и стали шарить по небу, рассекая его на темные четырехугольники. Ударили зенитки. Но экипаж был уже вне досягаемости огня и шел на свой аэродром.

Гроза не унималась. Самолет словно плыл в сплошном ливне. Черное от грозовых туч небо сливалось с черным провалом земли. Сориентироваться в такой обстановке весьма сложно. Но штурман с честью вышла из положения и вывела самолет точно к своему аэродрому...

А бывали испытания и потрудней. Например, в районе Грозного, когда самолет Макагон—Жигуленко, имевший на борту бомбовую нагрузку, наткнулся при взлете на неожиданное препятствие (взлетная площадка была весьма неудобной). Летчица не растерялась, быстро выключила мотор и посадила машину. Для штурмана же эта посадка была неожиданностью, и Женя сильно ударилась о приборную доску. На мгновение она даже потеряла сознание.

К великому счастью, бомбы не взорвались. Летчица и штурман отделались испугом, если не считать ушибов и незначительных травм. Отказавшись от лечения, они уже через два дня снова вылетели на задание.

«Летать над горами трудно, особенно осенью. Нежданно-негаданно наваливается облачность, прижимая самолет к земле, вернее к горам, приходится лететь в ущельях или над разновысокими вершинами. Тут каждый незначительный поворот, малейшее снижение грозит катастрофой, к тому же вблизи горных склонов возникают восходящие и нисходящие потоки воздуха, которые властно подхватывают машину. В таких случаях от летчика требуются недюжинные хладнокровие и мастерство, чтобы удержаться на нужной высоте...

...Это были «ночи-максимум», когда мы находились в воздухе по восемь-девять часов подряд. После трех-четырех вылетов глаза закрывались сами собой. Пока штурман ходила на КП докладывать о полете, летчица несколько минут спала в кабине, а вооруженцы тем временем

подвешивали
бомбы,
механики
заправляли
самолет
бензином и
маслом.

Возвращалась штурман, и летчица просыпалась...

«Ночи-максимум» доставались нам огромным напряжением физических и душевных сил, и когда занимался рассвет, мы, еле передвигая ноги, шли в столовую, мечтая скорее позавтракать и заснуть. За завтраком нам давали немного вина, которое полагалось летчикам после боевой работы. Но все равно сон был тревожным — снились прожектора и зенитки, у некоторых держалась стойкая бессонница...»

В ненастную осеннюю погоду нам приказали бомбить аул Дигора, у подножия Казбека, где фашисты сосредоточили много танков и большое количество различной боевой техники.

Задача была нелегкой. Мало того что враг простреливал все подходы к аулу, расположение его оказалось чрезвычайно неудобным.

Представьте себе огромный кувшин с узким доньшком и широкими краями, а на дне его песчинку. Этой песчинкой и был аул Дигора, а стенками кувшина — окружавшие его со всех сторон горы. Тут и днем-то развернуться было довольно сложно, того и гляди — врежешься в скалы. О трудностях же ночных полетов нечего даже говорить. К тому же погода стояла совершенно нелетная. Фашисты учитывали все эти обстоятельства и чувствовали себя в ауле спокойно. Мы тоже учитывали это, а потому строили свой расчет на внезапности.

Еще Суворов говорил: там, где пройдет олень, пройдет и солдат, а где пройдет один солдат, там пройдет и армия.

По такому принципу решило действовать и командование полка. Где пролетит один экипаж, рассудило оно, там пролетит и звено, где звено — там будет эскадрилья, а значит, может оказаться и весь полк, лишь бы немного прояснилось небо. Но погода, как нарочно, все ухудшалась. Мы уже было потеряли надежду, а тут произошел перелом, К полуночи облачность стала рассеиваться, показались звезды, заметно утих порывистый ветер. И тотчас зарокотали моторы, самолеты один за другим взмыли в воздух.

Вспоминает штурман Хиваз Доспанова: «Линия фронта проходила по Тереку. С каждым днем дел у штурманов прибавлялось. Кроме листовок, которыми была заполнена штурманская кабина, мы стали брать с собой на задание термитные авиабомбочки, которые вручную выбрасывали над целью, поджигая объекты врага уже после сброса основного груза — подвешенных под крыльями бомб.»

Однажды мы были на Тереке. Там очень долго стояла наша линия обороны, и одна летчица (мы не знаем кто, хоть и догадываемся. На 100 % это была Жигуленко!) снизилась над Тереком и закричала нашим бойцам: «Какого черта вы сидите и не наступаете?! Мы летаем, бомбим вам здесь, а вы сидите на месте!» А сверху, когда убираешь газ, очень все слышно. И утром этот батальон поднялся и пошел в бой. Мы об этом ничего не знали, но по-том пришло письмо от командующего пе-хотой: «Найдите женщину, которая сверху кричала» - хотел благодарность ей объявить. (Из воспоминаний Ирины Ракобольской)

Не только среди однополчанок, но и на всем фронте хорошо была известна Евгения Андреевна Жигуленко. легкобомбардировочного авиационного полка Советского Союза.

И Терек седой удивлен не на шутку,

Такого он раньше в веках не видал.

Кто немцам вздохнуть не давал ни минутки,

Кто жару такого арийцам поддал?

В ночь на 14 декабря она получила приказ бомбить скопление фашистских войск в районе станицы Павлодольской. Противник на этом участке имел сильную противовоздушную оборону. Экипажи ночных бомбардировщиков работали на участке с полной отдачей сил. Жигуленко совершила несколько заходов над целью. Следующие за ней экипажи, вернувшись на свою базу, с восторгом рассказывали об ее умелом маневрировании и бомбометании. Они зафиксировали три сильных взрыва, вызванных Евгенией Андреевной.

Экипаж Макагон—Жигуленко вылетел на очередное задание. Тьма стояла кромешная, лишь в кабине летчицы чуть светились стрелки приборов.

Самолет шёл ровно, лишь изредка проваливаясь вниз. Потом девушки ненадолго попали в восходящие и нисходящие потоки воздуха. И наконец пересекли Сунженский хребет. Скоро должен был появиться населенный пункт Павлодольская на Тереке. Проверив расчёты, штурман убедилась, что они идут точно по курсу.

И вдруг самолет сильно тряхнуло. Одновременно где-то невдалеке ослепительно сверкнула змейка молнии. Громовой раскат заглушил гул мотора. Началась гроза.

Гроза в воздухе была для По-2 страшнее любого, самого сильного вражеского обстрела. Однажды в нашей дивизии от грозы сгорело в воздухе сразу несколько машин.

Новая вспышка молнии осветила клубящийся хаос грозовых туч и потоки воды, низвергавшиеся на землю. Тучи становились всё плотнее. Сквозь них невозможно было «нащупать» цель. Пришлось снизить заданную высоту бомбометания. Но под кромкой облаков их стало трепать ещё сильнее. Летчица с великим трудом удерживала самолет.

Посоветовавшись, решили обойти грозу. Штурман изменила курс, засекала время. Летчица строго выполнила все команды. Вокруг была всё та же темень. Только молнии теперь сверкали не слева, а справа. Машину по-прежнему бросало из стороны в сторону. Полина напрягала последние силы.

Наконец их По-2 вынырнул рядом с заданным пунктом. Альтиметр показывал 800 метров. Жигуленко с помощью САБ осветила цель, внимательно осмотрелась и сбросила бомбы.

На земле вспыхнуло три пожара. Убедившись в этом, летчица развернула самолет на обратный курс.

Немцы, видимо, не ждали налёта в такую погоду. Словно спохватившись, рванулись вверх прожекторные лучи и стали шарить по небу, рассекая его на тёмные четырехугольники. Ударили

зенитки. Но экипаж был уже вне досягаемости огня и шёл на свой аэродром.

Гроза не унималась. Самолёт словно плыл в сплошном ливне. Чёрное от грозовых туч небо сливалось с чёрным провалом земли.

Сориентироваться в такой обстановке весьма сложно. Но штурман с честью вышла из положения и вывела самолет точно к своему аэродрому...

И до той ночи, и после Жигуленко много боевых вылетов совершила в Осетии.

Например, в районе Грозного, когда самолет Макагон— Жигуленко, имевший на борту бомбовую нагрузку, наткнулся при взлете на неожиданное препятствие (взлетная площадка была весьма неудобной). Летчица не растерялась, быстро

выключила мотор и посадила машину. Для штурмана же эта посадка была неожиданностью, и Женя сильно ударилась о приборную доску. На мгновение она даже потеряла сознание.

К великому счастью, бомбы не взорвались. Летчица и штурман отделались испугом, если не считать ушибов и незначительных травм. Отказавшись от лечения, они уже через два дня снова вылетели на задание.

Ей, как и другим тысячам воинов Красной армии, обязаны своим освобождением жители таких населенных пунктов, как Дур-Дур, Сурх-Дигора, Лескен, Эльхотово, Змейская. Над ними самолет отважной защитницы Родины проносился десятки раз, и в результате каждого полета на земле оставались трупы немецких солдат и офицеров, выведенные из строя танки, машины и другая техника.

Тамань

Полоска – небо голубое,

Другая – вспененный прибой.

В предрассветном тумане полк поэскадрильно покинул аэродром в Курчанской. Недолгий перелет — и вот уже мы у Азовского моря, с которым расстались год назад. С ласковым ворчанием подбирались к нашим ногам вспененные волны. Ровной чередой накатывались они

на берег и все шли и шли, подгоняемые ветром, рожденным в горах Крыма.

Осенью 1943 года наши войска повели наступление на Керченский полуостров. В конце октября мы перебазировались на аэродром около маленького рыбацкого поселка Пересыпь на берегу Азовского моря и простояли там около 6 месяцев. Камень, море и ветер...

Аэродром был на узкой полоске земли между морем и высоковольтной линией проводов, тянувшихся вдоль дороги, параллельной берегу. Они соединяли косу Чушку и Темрюк. Провода служили прекрасной маскировкой. Кто бы мог подумать, что на таком кусочке земли расположен аэродром?

Все, что можно было собрать в метеорологии неблагоприятного для полетов, было собрано в этом месте: туманы, штормовые ветры и дожди. Мы с вечера выходили на аэродром и ждали погоды. Кое-кто засыпал под шум моря, Женя Руднева

рассказывала сказки... А иногда и танцевали под звуки чьей-то губной гармошки. Неуклюжие, в унтах и меховых комбинезонах...

Стремясь любой ценой удержать преддверие Крыма — Таманский полуостров, гитлеровцы сопротивлялись с небывалой яростью. Вскоре здесь разыгрались жестокие воздушные бои.

Основные же силы полка продолжали действовать на Таманском полуострове. Началось быстрое изгнание фашистов с Таманского полуострова. Наконец наступил долгожданный день. В ночь на 9 октября, вылетев на бомбежку, мы не нашли ни одной цели. Мыс Чушка словно вымер; дороги, ведущие к Керченскому проливу, опустели. Кругом стало голо. Только кое-где темными пятнами выделялась на засыпанной песком земле брошенная врагом техника. Пусто было и у наспех сколоченных причалов.

Днем 9 октября пришло сообщение, что Таманский полуостров полностью

очищен от гитлеровских войск. Это был еще один шаг к победе.

Мы дрались не за страх, а за совесть. В признание заслуг дочерей полка к его

имени прибавилось слово «Таманский». Отныне он стал называться

46-м гвардейским Таманским авиационным полком. Это было для нас большим торжеством. (Поскольку последнее прибежище немцев была коса Чушка, то мы над собой подшучивали: «А вот присвоят нам, девушки, наименование Чушкинского полка».) Так завершился еще один период в нашей жизни.

И мы вспоминали, как при отступлении на Тамани немцы поджигали поля и виноградники, как в Краснодаре мы впервые увидели оборудованные врагом машины-душегубки, в которых выхлопным газом убивали перевозимых людей. Столько лет прошло, но забыть этого нельзя!

«На Кубани и на Таманском полуострове не осталось ни одного живого немца, кроме пленных...» – докладывал Иосифу Сталину командующий Северо-Кавказским фронтом генерал Иван Петров. К концу лета 1943 года 4-я воздушная армия генерала Константина Вершинина положила конец господству немецкой авиации в воздухе.

Когда ушли немцы с Тамани, они оставили на ней не только мины и горящие виноградники, но и полчища мышей, которые двинулись с горячей земли вслед за немцами, а дальше им идти было некуда — море. Наши домики были переполнены мышами.

Во время дневного сна я не раз сгоняла с себя бегавших мышей, а как-то они обкусали мне два пальца на руке, долго не заживало... Ребята из БАО наделали мышеловок, и за ночь попадалось 20–25 мышей. А Полина Гельман рассказывала, что утром нашла у себя на груди семейство маленьких мышат, они удобно устроились...

9 октября Тамань была полностью очищена от немецких оккупантов.

14 девушек полка навсегда остались на Тамани.

Пересыпь. Здесь происходили ожесточенные бои между советскими войсками и немецко-фашистскими захватчиками. Причем дважды, в ходе наступления немцев, а затем в процессе освобождения кубанской земли от фашистских захватчиков в 1943 году. Во время войны в посёлке находился аэродром. В посёлке Пересыпь на развилке улиц Володиной и Бондаревой стоит памятник «летчицам 46-го Гвардейского Таманского полка Таисии Володиной и Анны Бондаревой». Их имена навсегда вписаны в историю.

Горели девчата. Так больно. Так быстро.

Горели за нас. За рассвет. За закат.

Горели и в небо потом улетали...

Сюда приходят, чтобы почтить память каждого воина, который сражался за Победу. Неподалеку, через дорогу находятся места захоронений летчиц, чьи имена и носят улицы поселка. В 44-м на этом месте звучал десятикратный залп салюта из табельного оружия. В последний путь провожал боевых подруг весь личный состав 46-го гвардейского Таманского авиационного полка.

Далеко в прошлое ушли дни, когда в смертельной схватке с фашизмом решалась судьба нашей Родины, а тревожная память все еще хранит бессмертные события тех суровых лет.

Очень многим мирным жителям летчицы спасли жизнь. При бегстве с Таманского полуострова немцы использовали как живой щит мирных жителей, загоняя их на палубы кораблей. Летчицы, летая низко над кораблями, транспортами, увидели их, передали сообщение командованию и наши самолеты не бомбили их.

Тамань, хутор Пересыпь

Там, где лиманы, плавни и холмы,

Где рвёт неделями норд-ост,

Средь мира позабыт, затерян,

Лежит далёкий хутор Пересыпь.

Здесь цепью день за днём идёт,

И месяц округляется в луну,

Здесь звезды путь нам озаряют,

Ночная мгла скрывает от врага,

Извилистой чертой темнеют берега,

В нависшем мраке ночи нас спасая.

Здесь каждый нам изгиб знаком,

И каждый километр полёта.

В привычном гуле самолета

Мы песню счастья узнаем....

С ноября 1943 по 1944 года полк поддерживал высадки десантов на Керченском полуострове (в том числе знаменитый Эльтиген), освобождение Крымского полуострова и Севастополя.

Женя Жигуленко (в полку ее называли «Жигули»), своенравная и порывистая, очень подружилась с вдумчивой, спокойной Полиной Макагон.

Всегда подтянутая, строгая, Полина выглядела старше своих лет. Только веселые искорки в серых умных глазах выдавали ее молодость — ей шел двадцать первый год. В полк она пришла уже членом партии и сразу показала себя требовательной,

принципиальной коммунисткой.

Но при всей внешней несхожести их характеров они были одинаковы в главном, основном — в своих взглядах на жизнь. И они, как сестры, во всем помогали друг другу.

Женя была штурманом, но ей этого казалось мало. Она хотела водить самолет. С кем бы она ни летала, она просила летчицу

уступить ей ручку управления, хотя бы на обратном пути к аэродрому. И Полина помогла ей овладеть искусством боевого полета (вспоминала Магид)

В декабре 1942 года в полку создали еще одну, третью по счету, эскадрилью. Ее командиром назначили Полину Макагон, штурманом — Лиду Свистунову. И хотя все делали вид, что образование новой эскадрильи ничего особенного не представляет, каждая видела в этом свидетельство усиленной подготовки к наступлению, долгожданному наступлению, в котором женский авиационный полк, наверное, сыграет свою роль. Жигули стала таки летчицей!...

...По-осеннему быстро темнеет. Скоро ночь. Как медленно тянется время! От порывов ветра самолет сильно вздрагивает, словно ему тоже не терпится поскорее оторваться от земли. В октябрьских сумерках Женя смутно различает только две соседние машины — справа Веры Тихомировой, слева Надежды Поповой.

Кажется, ветер слабеет... Жигуленко снова разводит руки: полетим или не полетим? Пальцы сошлись! Полетим! И словно в подтверждение этого мотор самолета слева зарокотал. Качнув

плоскостями,
ПО-2 тихо
тронулся с
места.

Порядок!

Жигуленко вскочила с земли, подбежала к кабине. Штурман Полина Ульянова сказала:

— Садись, Женя. Сейчас тронемся. Надя уже поднялась.

Полина вздохнула.

Жигуленко недовольно покосилась на нее.

— Опять переживаешь? В чем дело? Что случилось?

— А вдруг не найдем их аэродрома? Как с бомбами вернешься? Немцы теперь, сама знаешь, какие стали осторожные.

Жигуленко усмехнулась:

— Поневоле будешь осторожным, если тебя каждую ночь бомбят. И кто? Женщины!

Полина тихо засмеялась:

— Да уж, покоя не даем. А когда сюда перебазировались, помнишь, как опасались: справимся или нет?

Еще бы не помнить! В первые дни, когда они прилетели на Таманский полуостров, отдельная Приморская армия готовилась к участию в операции по освобождению Крыма. Женский авиационный полк ночных бомбардировщиков должен был поддерживать наземные войска.

Жигуленко глянула вниз. Тучи рассеялись.

— Полина, курс!

— Снижайся. Подходим к цели. Самолет пошел вниз.

Теперь предстоит самое трудное: обнаружить аэродром. Фашисты притаились, чтобы не демаскировать себя. Отсюда каждый день поднимаются «юнкерсы», летят к нашему переднему краю, бомбят боевые порядки пехоты, огневые позиции артиллеристов.

Летчицы пристально вглядываются в темноту. Удастся или не удастся найти аэродром? От волнения трудно дышать. Кажется, они уже целый час планируют, а внизу по-прежнему сплошная тьма. Ничего не разберешь... Но вот слева мигнул и тут же погас потайной фонарик. Ага! Попались!

— Полина, видишь?

— Да. Вон еще один.

— Давай осветительную! Здесь аэродром!

Вниз полетела осветительная бомба, брызнула слепящим белым светом. Рядом — вторая.

— Молодец Тихомирова! Значит, летит следом за нами. Сейчас ударим на пару.

На землю летят стокилограммовые бомбы. Первый взрыв осветил летную дорожку, выстроившиеся в ряд «юнкерсы». И сейчас же грохнул второй взрыв. Воздушная волна подбросила самолет вверх.

— Женька, попали! Ей-богу, попали! — радостно крикнула Ульянова.

— Вижу! — засмеялась Жигуленко.

А внизу уже бушевал пожар. Багровое дымное пламя ширилось, росло. Хорошо! Бомба попала в склад горючего. Вспыхнули сразу три прожектора. Белые широкие щупальца зашарили по небу. Не дожидаясь, пока будет обнаружен самолет, с земли ударили крупнокалиберные пулеметы. Коротко забухали зенитки.

— Женья, домой?

— Домой!

Но уйти было нелегко. Белый луч поймал ПО-2. Неудержимо потянуло взглянуть вниз. Но Жигуленко знала: смотреть надо только на приборы. Оторвешься от них — прожекторы ослепят, самолет потеряет управление.

А огонь с земли все усиливался. Сзади, совсем близко, разорвался зенитный снаряд. Разрыв впереди! Еще разрыв! Плохо дело! Могут подбить...

Стремясь вырваться из лучей прожекторов, Жигуленко маневрировала. Но лучи бледного мертвого света словно толстой решеткой перегородили все небо.

Жигуленко снижает самолет, поворачивая его к морю.

Прожекторы с аэродрома отстали, но сейчас же вспыхнули другие — с вражеских катеров. Загрохотали судовые зенитки, в небо потянулись прерывистые багровые цепочки трассирующих пуль.

Летчица резко снизилась на двести метров и вышла из освещенной зоны. Лучи прожекторов растерянно заметались, зашарили среди клубящихся туч. Но ПО-2 шел уже низко над морем.

Женя вздохнула, окликнула штурмана.

— Полина, жива?

— А как же! Домой, Женя?

— Домой!

— Одно плохо. — В переговорной трубке явно слышался глубокий вздох.

— Что, опять переживаешь?

— А как же! Подумай, сколько времени зря потеряли из-за проклятых прожекторов. А у нас еще три вылета. Когда-то успеем...

Самолетик взлетел над Россией-

Над полями ,над озером синим.

Подняла его в высь от земли

Женя, Женечка, Жигули.

Так прозвали подругу девчата

В легендарном Таманском полку.

Над восходами, над закатами

Шла девчонка навстречу врагу

Пролетают вдали

Самолетики, как журавли.

Там ,вдали от земли

Женя, Женечка, Жигули...

Бушевали военные вьюги.

Погибали друзья и подруги.

Как Вы вынести это смогли,

Женя, Женечка, Жигули?

Нету писем от мамы солдату,

Светло - русский скучает пилот.

Над восходами, над закатами

В темном небе кружит
самолеты.

А летом 1943 года
гитлеровцами была
запущена очередная
фальшивка о том, что они
уничтожили советскую

авиацию Черноморского
флота. Снабжение немецкой
армии на юге производилось
через румынский порт
Констанца.

В этой обстановке советское командование приняло решение показать врагу возросшую мощь и силу советской морской авиации.

У самого Черного моря

Новороссийск.

Округлой бухты лик суровый.

На пирсах нервный ритм войны...

В начале 1942 г. фашисты, имея подавляющее большинство в танках и самолетах, временно захватили равнинную часть Кубани и подошли к горам. Для авиации Черноморского флота создались трудные условия. В узкой прибрежной полосе Геленджика на Тонком мысе было решено построить аэродромы.»

На помощь военным пришло гражданское население города. Геленджика. За короткий срок было необходимо построить взлетную полосу. Вокруг холмы и овраги, под ногами сплошной камень. На строительство вышли все, кто мог держать в руках лопату и лом, - старики, женщины, дети. Начались тяжелые дни. Сотни лопат вгрызались в землю, тысячи кубометров каменистого грунта были убраны. Пот застилал глаза, лопались кровавые мозоли на ладонях,

но работа не останавливалась ни на час". Всего было построено три сухопутных и один морской аэродром. Уже через месяц на аэродромы Геленджика прибыли самолеты. Здесь разместились штурмовые, истребительные и бомбардировочные полки 4 и 5 Воздушных Армий и авиаполки ЧФ.

Тонкий мыс! Аэродромы:

Сухопутный и морской.

Асы, летчики бедовые,

Готовились тут в бой.

В начале сентября 1943 года, в дни освобождения Новороссийска, восемь экипажей этого авиаполка вылетели в район Геленджика в распоряжение ВВС Черноморского флота. Возглавляла группу лучшая летчица полка - заместитель командира по летной части Серафима Амосова.

И после освобождения Новороссийска с Геленджикских аэродромов поднимались летчики на разгром врага на Тамани и Керченском полуострове.

А наступление наших войск в районе Новороссийска началось в ночь на 10 сентября 1943 года высадкой десанта в порту. Как только десантные отряды завязали бой, перешли в наступление войска, действовавшие восточнее и южнее города.

Новороссийские горы

Новороссийские горы

Высятся гордо вдали
Скорбные, тяжкие волны
Бьются у Малой земли.

Фашисты прекрасно понимали, что потеря Новороссийска приведет к крушению всей их обороны на Голубой линии. Враг сопротивлялся ожесточенно. И не только на земле.

И сюда же, как-то в осень,
Капитан Амосова
Экипажей летных восемь
С Кубани перебросила.

В начале сентября
1943 года, в дни
освобождения
Новороссийска,
восемь экипажей
этого авиаполка
вылетели в район
Геленджика в
распоряжение
ВВС

Черноморского флота. Возглавляла группу лучшая летчица полка - заместитель командира по летной части Серафима Амосова.

...Группа самолетов, лидируемая капитаном Амосовой, вылетела для поддержки десанта морской пехоты к Новороссийску. Площадка, на которой приземлились летчицы, даже для По-2 была неудобной: с

одной стороны - Черное море, с другой - горы. Особенно опасен был взлет, когда отрываться от земли приходилось почти на самом берегу моря, а набирать высоту - над водой. Только большой опыт, накопленный в полетах на Кавказе, помогал летчицам преодолевать эти трудности.

Площадка, на которой приземлились летчицы, даже для По-2 была неудобной: с одной стороны - Черное море, с другой - горы. Особенно опасен был взлет, когда отрываться от земли приходилось почти на самом берегу моря, а набирать высоту - над водой. Только большой опыт, накопленный в полетах на Кавказе, помогал летчицам

преодолевать эти трудности.

Летчики 4-й воздушной армии встретили девушек с удивлением и большим сомнением в их возможностях, так и теперь моряки-

черноморцы явно усомнились в том, что к ним прибыла действительно настоящая помощь. Они присматривались к летчицам, успокаивая себя тем, что в операции будет участвовать еще один полк ночных бомбардировщиков под командованием .

- В этом полку - одни мужчины, они не подведут. А на что способны девчата - посмотрим! - говорили между собой моряки.

Их, конечно, удивляли гвардейские значки, ордена и медали летчиц, но награды вызывали еще больший интерес к боевой работе девушек.

Первые боевые вылеты на Новороссийск женской авиационной группы заставили прославленных черноморцев поверить в силу бомбовых ударов девушек-летчиц. Каждые три-четыре минуты с площадки взлетал По-2. Холодные слои воздуха бросали машину к морю, стремительные потоки кружили ее над горами, пытаясь прижать к склонам, разбить в щепки. А мужественный По-2, нагруженный бомбами, в течение полутора часов каждого вылета боролся со стихией, зенитками, прожекторами врага.

Плотный огонь фашистских береговых батарей, зенитной артиллерии кораблей и наземных войск противника преграждал путь к Новороссийску. После трех-четырех таких вылетов в ночь девушки утром едва добирались до своих постелей и спали до обеда глубоким сном.

Но часто лётчицы не брали с собой ни пулемётов, ни парашютов. Биплан мог поднять очень ограниченный вес; минус оружие давало плюс бомбу. Лётное мастерство, к тому же, давало больше шансов спастись, чем пулемёт или парашют. Каждая из выживших лётчиц полка была настоящим виртуозом штурвала.

Солдаты вспоминали, что всегда знали, девушка была на биплане с «посылками» или парень. Парни летали молча, девушки обязательно выкрикивали что-нибудь подбадривающее. Звонкие приветы с неба действительно поддерживали. Если самолёт пролетал молча, как будто чего-то не хватало.

В операции по освобождению Новороссийска Катя Рябова летала опять с Надей Поповой. В группу были отобраны лучшие экипажи из состава ветеранов.

После этой операции «ночным ведьмам» рассказали, что десантники, не знавшие до этого о существовании женского авиаполка, были потрясены, «услышав с небес девичьи голоса».

Чтобы попасть в корабль с большой высоты, нужна предельная точность бомбометания. Малейшее отклонение бомбы из-за неправильного расчета силы ветра или прицеливания могло отнести ее от цели. Поэтому, провозжая экипажи на задание, капитан Амосова предупреждала: «Если не уверены в точности попадания бомбы, лучше не бомбите, зайдите на второй круг, прицельтесь еще раз.»

В воздухе кружилось много самолетов. В море и на земле рвались бомбы, вокруг самолета вспыхивали черно-красные разрывы зенитных снарядов. Зажглись прожекторы противника. В таких условиях легко столкнуться с другим самолетом. Мы вращались в кабине на все триста шестьдесят градусов. Один из фашистских кораблей тут же прекратил обстрел, его охватило пламя, по морю поплыла дымовая завеса. Утром от летчиков морской авиации девушки получили благодарность.

В ночь на 16 сентября капитан Амосова предупредила: «Наверное, мы летаем здесь последнюю ночь!» Во время завтрака, узнав, что Новороссийск полностью освобожден от фашистских оккупантов, девушки дружно запели свой полковой гимн. В этот момент в столовую тихо вошли три морских летчика. В руках одного из них был громадный букет цветов.

- Сегодня освобожден Новороссийск. За участие в этой операции от всех моряков вам низкий поклон и наше мужское спасибо! - сказал он, передавая розы командиру группы Серафиме Амосовой.

В один из дней сражения за Новороссийск, под утро, когда ночные бомбардировщики заканчивали работу, неожиданно пришел приказ: «Нанести бомбовый удар по штабу фашистских войск в районе центральной площади Новороссийска». Вскоре на фоне гор, позолоченных первыми лучами солнца, появилась «ласточка» Амосовой. За ней поочередно вылетели остальные. Девушки не думали о том, что уже светло, что их могут атаковать фашистские истребители, что надо проскочить под перекрестным огнем зениток. Задание было выполнено. Все экипажи вернулись на свой аэродром.

"Наступила последняя ночь перед штурмом Новороссийска, ночь с 15 на 16 сентября. Получив боевую задачу, летчики вырулили на старт.

...Всю ночь самолёты подавляли очаги сопротивления противника, и уже на рассвете поступил приказ: разбомбить штаб фашистских войск, расположенный в центре Новороссийска у городской площади, и экипажи полетели вновь. Штаб был уничтожен." (Из книги И.Ракобольской, Н.Кравцовой "Нас называли ночными ведьмами")

"За время штурма Новороссийска группа Амосовой совершила 233 боевых вылета. Командование наградило летчиц, штурманов, техников и вооруженцев орденами и медалями.

16 сентября Новороссийск был освобожден, и Голубая линия оказалась прорванной на участке Новороссийск-Молдаванская. Началось быстрое изгнание фашистов с Таманского полуострова." Девушки не только бомбили, но и осуществляли поддержку

десантников на Малой земле, снабжая их продовольствием и одеждой, почтой. Полеты над Новороссийском и его окрестностями требовали немало искусства, отваги и выдержки.

Маршрут проходил с одной стороны над морем, с другой — над горами и ущельями. Воздушные течения в тех местах были очень изменчивы. Попадешь над водой в холодные слои воздуха, самолет неудержимо тянет вниз. А в горах еще хуже: восходящие потоки воздуха бросали машину, как щепку. Одно утешение — надежные ориентиры: вышел к морю — Новороссийск перед, тобой как на ладони, выбирай цель — не промахнешься... Первые две ночи фашисты боялись демаскировать себя и не вели интенсивной стрельбы, зато потом огонь был весьма плотный. Били с кораблей, с береговых батарей, из города. Казалось, само небо вот-вот расколется и поглотит маленькие У-2. Но группа Амосовой успешно вела боевую работу.

Еще накануне с моря подул ветер, к ночи он усилился. Утро выдалось

хмурое,

холодное.

Волны с

нарастающи

м шумом

катились к

берегу и

разбивались

о камни. Белая пена взлетала вверх, хлопья ее оседали на темных мокрых

камнях. Небо, как и море, было темное, бурное. Громадные, в свирепых черных вихрах тучи стремительно неслись на запад. Синоптики опасались шторма. Летчицы и штурманы ходили молчаливые, хмурые. К вечеру ветер ослабел, но море волновалось по-прежнему. В сумерках грохот невидимых волн, казалось, стал еще громче. Однако командование женского авиационного полка вызвало летный состав на аэродром. Ветер был еще сильный, поэтому разрешение на вылет задерживалось.

Для Жени Жигуленко часы вынужденного бездействия всегда были особенно тягостными. В голове одна мысль: выпустят или не выпустят в полет? Ни о чем больше не думалось. Чтобы рассеяться, Женя, как в детстве, закрыла глаза, широко развела руки и быстро сблизила пальцы. Получилось — «не выпустят».

Жигуленко сердито взглянула на совсем уже темное небо и выбралась из кабины. Ждать дальше было не вмоготу. Девушка легла под правой плоскостью своего ПО-2. Земля была каменистая, твердая. Кое-где торчала незнакомая трава — низенькая, с толстыми, полными соленого сока листочками. Кажется, они так и называются эти растения — солянки. Растут на морском берегу, пьют морскую воду. Да, это не то что густая трава широких северокавказских степей.

16 сентября Новороссийск был освобожден, и Голубая линия оказалась прорванной на участке Новороссийск, Молдаванская. Женский полк продолжал по ночам подавлять очаги сопротивления.

Первым Героем в этом полку стала 24-летняя Евдокия Ивановна Носаль, погибшая в дни освобождения Новороссийска.

Черноморская авиация своими действиями поддерживала с воздуха морской флот, помогала защитникам у линии фронта и на Малой земле. Жизнь и борьба защитников Малой земли зависели от моряков малых кораблей, которые в течение семи месяцев почти каждую ночь совершали тяжелые походы к Мысхако, доставляя из Геленджика боевое пополнение, боеприпасы и продовольствие.

Воду, как смерч, вздымая,

Бомбы били по морю.

На пять попаданий рядом

Было одно - прямое.

И вспыхивали, как факелы,

Суда с ребятами нашими.

Были морские волны

Бензином и кровью окрашены.

Но шли на прорыв моряки,

О жизни своей не думая.

Остались лежать навеки

Под морскими дюнами.

"Дорогой смерти" называли этот путь моряки. Немцы все время минировали его заново - и с самолетов, и с судов. Где вчера прошел катер спокойно, там он сегодня мог напороться на мину. " Бойцы

шли в десант один раз, а катерники каждую ночь. И каждая ночь - это бой". Самым тяжелым за все время войны для летчиц оказалось воздушное сражение над территорией Кубани – прорыв «Голубой линии». Именно здесь они понесли огромные потери, но не сломались и не уступили врагу. С марта по сентябрь 1943 года лётчицы полка участвовали в прорыве обороны «Голубой линии» и освобождении Новороссийска.

В сентябре советские войска в районе Новороссийска начали решительный штурм укреплений Голубой линии. С дождями, сырым ветром пришла ранняя приморская осень...

Голубой линией противник называл сильно укрепленную полосу, протянувшуюся от Новороссийска до Азовского моря. Фашисты до предела насытили ее средствами противовоздушной обороны, сюда они стянули отборные авиационные части. В то же время немцы на Голубой линии яростно сопротивлялись, огонь был очень плотным. В одном из вылетов в небе на глазах подруг сгорели четыре экипажа...

Маленький По-2 не давал покоя гитлеровцам. В любую, казалось бы самую неподходящую, погоду он появлялся над вражескими войсками на малых высотах и бомбил их с минимальной высоты.

Крым.

Уже весна. И крымский тополь

В ладошки лиственные бьет.

Своих встречая, Севастополь

По звездным крыльям узнает.

Да, в час такой, неоспоримо,

И на земле и в сердце май.

И вот он, Южный берег Крыма!

Хоть всем путевки выдавай.

Крым! Он ждал нас и слал из туманной дали эти волны, как свой привет. Мы прилетели в Крым, чтобы подыскать аэродром для полка. Остановились в Старом Крыму, почти на краю поселка. Хозяйка встретила нас ласково, но она дрожала от пережитого. Оказывается, только два дня назад остановилась резня в этом русском селе. Полицай

«очищали» село. Взрослых расстреливали, а детей убивали головами о стены домов. Кто-то сумел добраться до партизан в горах. Они спустились вниз и освободили село. Резня окончилась за два дома до нашей милой хозяйки. Трудно было нам что-то ей сказать. Трудно поверить, что так могло быть...

Еще девочкой Женя часто рассматривала альбом с видами Крыма: золотой евпаторийский пляж, древние крепостные башни Балаклавы, памятники героям Севастополя... Теперь все, все это осквернено врагом. Мы стали летать через Керченский пролив и бомбить врага в Крыму.

— Женя, нам лететь!

Голос штурмана вывел Жигуленко из задумчивости. Минута — и она в кабине. Оружейники еще раз проверяют крепление бомб.

— Порядок?

— Порядок! Счастливого пути!

Жигуленко включила мотор. Самолет поднялся в темноте, лег на курс. Задача: отыскать вражеский аэродром и сбросить на него бомбы.

Евгения решила набрать высоту, чтобы рокот самолета не был слышен с земли. ПО-2 уходил ввысь. Внизу, в непроглядной тьме, лежала захваченная врагом крымская земля.

В первых полетах мы испытали «психическое воздействие» со стороны немцев. При звуке приближающегося самолета включались десятки прожекторов и стояли неподвижно, направив лучи в небе строго вертикально. Лес прожекторов. Ни один не шелохнется. Вообще-то

сначала действовало: на своих маленьких По-2 мы лезли вверх, повыше... Набрал высоту, бомбили цель на планировании, обходя лучи прожекторов.

Вскоре «психическая обработка» прекратилась. Нас стали встречать зенитным огнем. И прожекторы ловили. Просто. Без выкрутасов.

Советские войска готовились к форсированию Керченского пролива. А враг спешно сооружал полосу обороны. Выло ясно, что без жестокого сражения Крыма он не отдаст. К тому времени части 4-го Украинского фронта, прорвав оборону противника в полосе Запорожье, Мелитополь, озеро Молочное, двинулись вперед и к 1 ноября вышли к Перекопу. Крымская группировка гитлеровцев оказалась отрезанной, отходить ей можно было только морем.

В дни подготовки операции полк проводил разведку побережья, а также бомбил крупные скопления вражеских войск, немецкие тылы, шоссе, железнодорожные узлы.

Взлетная полоса шириной около 300 метров тянулась с запада на восток. Вдоль южной стороны аэродрома проходило шоссе с линией высоковольтной передачи. Последнее обстоятельство требовало от летчиц большой точности и внимательности при взлете и посадке в период темных осенних ночей.

Аэродромом нам служила узкая полоска морского берега. Аэродром имел и еще одно, существенное неудобство — он не был защищен от ветра. Резкий, сильный, временами достигавший 30 метров в секунду, ветер гулял здесь совершенно свободно. А поскольку он дул всегда сбоку — либо с севера, со стороны Азовского моря, либо с юга, со

стороны Черного, — то легко понять, как сильно затрудняло это нашу работу. При взлете и посадке ветер всегда мог швырнуть самолет на крыло, и тогда авария неизбежна. Не легче было и в полете. Все хорошо понимали, что в случае отказа мотора ветер мог свободно унести легкий У-2 в открытое море.

Нужно сказать, что не меньше ветра нам досаждали в то время проливные дожди и туманы

В первый период базирования на берегу Керченского пролива наша эскадрилья летала на боевые задания нечасто. На фронте выдалось относительно затишье, и мы это время использовали для тренировок — осваивали полеты в новых условиях, вводили в строй пополнение. Чтобы улучшить учебную работу, в эскадрилью назначили опытных летчиков и штурманов.

Дан приказ – прорваться к Эльтигену

Под прикрытием дьявольской ночи.

Шел десант морской, взбивая пену,

К берегам израненной Керчи

Ветер выл и мачты гнулись косо

И стонали в море корабли.

В бой ушли десантники-матросы

Сквозь заслоны Огненной земли!

Слово «Эльтиген» стало священным для нас с того времени, когда первый эшелон десантников внезапным ударом ворвался в поселок Эльтиген и закрепился в нем. Разыгравшийся шторм задержал дальнейшее десантирование. На вражеском берегу почти в окружении оказались небольшие подразделения моряков и армейцев. Противник предпринял несколько попыток сбросить десантников в море, но тщетно. Эльтиген, маленький белокаменный городок, встал на пути фашистов несокрушимой крепостью.

Кровавым шрифтом был записан в книгу истории Войны ,
Морской десант крутого мыса , плененной Керченской земли.

В волнах бушующего моря , в ночи с Тамани отходил

На катерах он , мотоботах , на баржах , даже на плотках,

Чтоб Крыму принести свободу , захватчикам - их планов крах! ...

У десантников кончались продукты и боеприпасы, нечем стало перевязывать раненых. Прекратилась связь со своими, так как осколками снаряда разнесло рацию, убило радиста. А свинцовые волны бурлили не переставая. Вновь и вновь рвались к Эльтигену наши катера с людьми, оружием, боеприпасами, продуктами и опять вынуждены были ни с чем возвращаться к своим причалам.

Двадцать шесть ночей летали мы к десанникам. Каждый такой рейс нес им спасение, укреплял уверенность в победе. Грузы для десантников сбрасывали во двор школы, где каждую ночь для нас зажигали небольшой костер и выкладывали опознавательный знак.

Такая своеобразная «бомбежка» требовала от экипажей большой точности. Поэтому к месту назначения подлетали на высоте около 50–70 метров, а при сбрасывании груза старались снизиться еще немного.

Бывало, с середины пролива уже уберешь газ и планируешь до самого крымского берега. Фашисты бьют из автоматов и крупнокалиберных пулеметов, иной раз до десятка дыр насчитаешь в обшивке плоскостей.

А самолет тянет и тянет. И вот уже под крылом заветный огонек.

Перегнешься через борт кабины и что есть мочи кричишь:

— Принимай гостинцы, пехота! У нас картошка и медикаменты, следующий сбросит патроны.

А штурман добавляет:

— Привет от 46-го женского гвардейского!

В ответ с земли тоже что-то кричали, но за свистом ветра и за шумом морского прибоя разобрать слова было невозможно. Хорошо хоть, что мы слышали голоса: значит, живы наши.

Немцы освещали прожекторами катера и суда десанта, били по ним из орудий. Летали парами. Один самолет бомбил прожектор, второй подавлял огневые точки. Услышав шум двигателя, немцы стали выключать прожектора, и артиллерия не могла прицельно стрелять. За шумом моторов самолетов немцы не слышали шума винтов катеров. А девушки летали всю ночь. Уменьшались потери десанта.

Десантники Эльтигена, зажатые немцами и с суши, и с моря, на узкой – до 2 км шириной и до 5 км длиной – полоске берега под огнем танков и быстроходных десантных барж (БДБ) вскоре оказались без

боеприпасов и медикаментов, закончились продукты. С немецкой стороны доносился запах кофе и жареного мяса. Немцы кричали: «Рус! Блокада! Капут! Сдавайся, иди завтракать!»

Только тихоходные низколетящие У-2 могли ночью при любой погоде доставить, почти бесшумно спланировать и точно сбросить груз в указанную точку. Вместо бомб крепили мешки с минами, гранатами, патронами, провиантом, бинтами и лекарствами. И еще с письмами от родных и близких. Единственным ориентиром на Эльтигене была школа. Причем груз нужно было сбросить с южной стороны школы: с северной были немцы. Они открывали яростный огонь по самолетам из всех видов оружия, стреляя по вспышкам из выхлопных патрубков мотора. Снижаясь до 70–50 м, девушки кричали: «Лови картошку, пехота!» или «Полундра! Куда патроны?» Каждый такой рейс нес бойцам спасение, а девичьи голоса в темном ночном небе порой значили для десантников больше, чем гранаты и патроны.

Самолеты взлетали с интервалом в 5–8 минут. За это время машину успевали заправить бензином и загрузить бомбами или грузом. Затихал шум мотора последнего взлетевшего самолета, а через некоторое время вновь нарастал звук двигателя. Это возвращался экипаж, взлетевший первым. С захода солнца и до рассвета девушки не вылезали из кабин, бомбили цели и доставляли грузы. Под утро буквально засыпали в воздухе, а днем не могли полноценно выспаться: слепящий свет прожекторов, разрывы зениток стояли перед закрытыми глазами.

По самому краю полуострова шла линия немецкой обороны. Десантные войска подплывали ночью на катерах или танкерах. С берега их обстреливала артиллерия, ловили лучами морские прожектора. Мы летали со специальной целью — бить по этим прожекторам и

артиллерийским точкам. Когда над целью появлялся самолет, немцы выключали прожектора. А наши машины появлялись над целью через каждые две-три минуты... Это давало возможность катерам подойти к берегу. Иногда пехотинцы просили: «Хоть не бомбите, если облачность низкая, хоть мотором шумите». За шумом мотора не было слышно шума винта подходящего катера. В определенный момент, когда десант подходил к берегу, по сигналу ракеты мы переносили свой удар в глубь обороны противника и подавляли его артиллерию. (Подобным образом мы действовали и потом, при десанте через Вислу и Одер...)

« Однажды я вылетела вслед за командиром звена Евгенией Жигуленко. Я очень любила Женю. Женственная и мягкая, она неузнаваемо преображалась в воздухе. С Жигуленко летала штурман Полина Ульянова. Я видела, как при подходе к цели их самолет плотным кольцом схватили прожекторы. Видела, как самолет Жигуленко заметался из стороны в сторону, уклоняясь от разрывов зенитных снарядов. Видела, как мастерски Женя вышла из-под обстрела и вновь взяла курс на цель. Долго ее самолет не мог выйти из перекрестных лучей прожекторов. Прошло еще несколько томительных секунд. И вдруг маленький По-2 начал быстро снижаться. Сердце сжалось от боли: неужели сбили? Гитлеровцы, видно, решили, что самолет обречен, и перестали его обстреливать. А машина, чуть было не коснувшись земли, вдруг приняла горизонтальное положение и над головами растерявшихся фашистов понеслась к морю. Израненный, искалеченный самолет набрал над морем нужную высоту и вновь вернулся к Эльтингену, чтобы выполнить задание. Груз был сброшен точно в цель...

Только на аэродроме, увидев ее искореженную машину, мы поняли, какой подвиг совершила наша скромная Женя. Машина получила десятки пробоин, с нее свисали клочья перкаля, был поврежден мотор, пули прошли через кабину штурмана и летчицы... Инженер полка Софья Озеркова и старший техник эскадрильи Дуся Коротченко давно не видели ничего подобного...»

На следующий день или ночь самолет снова ляжет на курс. Задача — разгромить вражеский аэродром. Внизу, в непроглядной тьме, лежит захваченная врагом крымская земля. Отсюда каждый день поднимаются «юнкерсы», бомбят наши десантные части, высадившиеся на Керченском полуострове.

Летчица пристально, до боли в глазах, будет вглядываться в темноту. Вот слева замигает огонек. Всё как условлено. Вниз полетит бомба, потом — вторая, третья. Первый взрыв на какой-то миг осветит взлетную дорожку и выстроившиеся в ряд «юнкерсы». Грохнет второй, и забушует пожар. Вскоре У-2 приземлится на своем аэродроме. Летные будни войны!

Шли тяжелые бои за Керчь. В одну из ночей экипажи полка вылетели бомбить аэродром противника недалеко от города. Шура летела с Женей Жигуленко.

Полет осложняла разыгравшаяся непогода. Ветер безжалостно швырял легкокрылую "ласточку" из стороны в сторону. С севера наплзали тяжелые плотные тучи. Шура тщательно прокладывала курс к цели. Несмотря на сложную метеобстановку и ожидание встречи с врагом - а оно всякий раз казалось страшнее самой опасности - настроение было спокойное и даже слегка приподнятое. Грели письма от родных, полученные в этот день.